

0716526-1

Казанский государственный университет

На правах рукописи

НИКОЛАЕВА Елена Анатольевна

**КОНЦЕССИВНО-МОДУСНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
С СОЮЗОМ-ЧАСТИЦЕЙ ПУСТЬ/ПУСКАЯ
В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание
ученой степени кандидата филологических наук

Казань - 2000

Работа выполнена на кафедре русского языка и литературы в национальной школе филологического факультета Казанского государственного университета.

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор Н. А. Андрамонова

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор А. Ю. Чернышева
кандидат филологических наук, доцент Л. С. Андреева

Ведущая организация:

Чувашский государственный университет

Защита состоится 31 мая 2000 г. в 12 часов на заседании диссертационного Совета Д.053.29.13 по присуждению ученой степени доктора филологических наук в Казанском государственном университете (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Казанского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Автореферат разослан 30 апреля 2000 г.

Ученый секретарь
диссертационного Совета
кандидат филологических наук,
доцент

В. С. Дмитриева

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ

0000947828

Объектом исследования избраны concessивно-модусные предложения с союзом-частицей *пусть/пускай*.

Обусловленность и средства ее выражения в сложном предложении исследованы в комплексных базовых лингвистических работах второй половины XX века (монографии В.А.Белашапковой, Н.А.Андрамоновой, М.В.Ляпон, Р.М.Теремовой, А.К.Федорова, В.Б.Евтюхина, В.А.Мишланова). Особое место в системе обусловленности занимают конструкции повышенной семантической сложности – уступительные (concessивные). В настоящее время теория concessивности находится в стадии активной разработки. Дискуссионными остаются вопросы о синтаксическом статусе уступительной связи, ее составляющих и механизмах формирования. К числу малоизученных фрагментов системы обусловленности относятся concessивно-модусные предложения с союзом-частицей *пусть/пускай*.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью изучения семантико-структурных и функциональных характеристик concessивной связи, синтаксическая специфика которой наименее выявлена. Актуальность работы также состоит в том, что системное семантико-структурное рассмотрение каузального комплекса стимулирует выход в коммуникативно-прагматическую и ментально-культурологическую сферу бытования и функционирования семантики обусловленности.

Целью исследования является полиаспектное рассмотрение уступительных предложений с союзом-частицей *пусть/пускай* с позиций структурно-семантического и функционально-коммуникативного синтаксиса.

Задачи исследования:

- 1) рассмотреть взаимодействие уступительной и модальной семантики в рамках исследуемой конструкции;
- 2) определить место concessивно-модусных предложений с союзом-частицей *пусть/пускай* в системе отношений обусловленности;
- 3) разработать семантико-структурную классификацию сложных предложений с союзом-частицей *пусть/пускай*;
- 4) установить грамматический статус и семантическую структуру служебного слова *пусть/пускай* в уступительном предложении;
- 5) выявить функции concessивно-модусных конструкций в поэтическом тексте.

Материалом исследования послужила картотека, насчитывающая более 3000 единиц, отобранных методом сплошной выборки из произведений И.Анненского, А.Апухтина, А.Ахматовой, К.Бальмонта, А.Белого, А.Блока,

Е.Боратынского, В.Брюсова, И.Бунина, М.Волошина,
Н.Гумилева, Г.Державина С.Есенина, Н.Заболоцкого,
В.Инбер, М.Лермонтова, Н.Некрасова, А.Майкова,
О.Мандельштама, В.Маяковского, Б.Пастернака, С.Соловьева,
И.Северянина.

Привлекались примеры из произведений В.Высоцкого,
А.Дементьева, Е.Евтушенко, Н.Рубцова, Р.Рождественского,
К.Симонова, Ф.И.Тютчева, В.Федорова, А.Фета, С.Шипачева и
др.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые осуществлено системное полиаспектное исследование предложения-высказывания с союзом-частицей *пусть/пускай* в системе общей семантики обусловленности. Новизна работы заключается и в том, что к исследованию подключен материал поэтической речи, недостаточно изученный с точки зрения усложненных синтаксических структур и соответствующих им служебных слов.

Практическая ценность работы определяется тем, что результаты исследования могут быть использованы в вузовской педагогической практике при чтении курса лекций по современному русскому языку "Служебные части речи", "Сложные предложения с семантикой обусловленности", а также при разработке спецкурсов, связанных с изучением проблем сложного предложения и текста, функционирования неполнозначных слов на разных уровнях языка, лингвистического анализа поэтического текста. Результаты работы могут быть использованы при обучении русскому языку в школе (лицеях, гимназиях гуманитарного профиля, в классах с углубленным преподаванием русского языка).

Теоретическая значимость работы состоит в интерпретации концессивности в русле актуальных для лингвистической мысли понятий антропоцентричности и коммуникативности; рассмотрении одной из малоизученных микросистем в общей системе семантики обусловленности.

Методы исследования. Основными методами исследования являются структурно-семантический метод, метод дистрибутивного анализа, метод трансформации, метод компонентного анализа.

Апробация работы. Основные положения диссертации получили отражение в докладах на международных научных конференциях "Г.Р.Державин: личность, творчество, современное восприятие" (Казань, 1993); "Бодуэн де Куртенэ: теоретическое наследие и современность" (Казань, 1995), "Е.А.Боратынский: слово и мысль" (Казань, 2000), результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языка и литературы в национальной школе Казанского

государственного университета, научно-практических конференциях КГУ в 1993-1995, 2000 гг.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, перечня использованной научной и справочной литературы, списка источников.

Содержание работы.

Во введении обосновывается выбор темы исследования, актуальность поставленной проблемы, рассматриваются особенности объекта изучения, новизна и значимость выбранного аспекта рассмотрения материала, определяются цель, задачи и методы исследования, основные ключевые понятия данной работы.

Прослеживая понимание в лингвистике терминов модальность (В.В.Виноградов, В.А.Белошапкина, Г.А.Золотова, Г.В.Колшанский и др.), модус (Ш.Балли, Н.Д.Арутюнова, М.И.Черемисина, Т.В.Шмелева и др.), мы акцентируем внимание на антропоцентрической их направленности, включенности "точки зрения", "фигуры говорящего".

Под модусом мы понимаем, вслед за М.И.Черемисиной, Т.А.Колосовой, «вербализованную субъективную интерпретацию диктумного события, которая может даваться в аспекте модальности или в аспекте представления (информации) о диктумном событии». [Черемисина, Колосова, 1987, с. 35]

Мы исходим из понимания модальности как единой семантической категории, организуемой триадой 'ирреальность-потенциальность-реальность'. Потенциальные смыслы тесно связаны с синтаксической семантикой (цели, условия, уступки). В сферу потенциальных модальных значений входит значение уступительного допущения, определяющее семантический профиль конструкций с союзом-частицей *пусть/пускай*.

I Глава. Предложения с concessивно-модусной семантикой в системе уступительных отношений

Глава посвящена рассмотрению грамматического статуса и семантической структуры служебных слов *пусть*, *пускай* в concessивном предложении в аспекте взаимосвязи модальной и concessивной семантики. Своеобразие связующего средства *пусть/пускай* определяет модальное значение допущения, образующее в *пусть-предложениях* особый тип модальной рамки. Этимологический анализ слов *пусть* и *пускай* выдвигает на место иерархической семы компонент волеизъявления. Этот

компонент является базовым для субъективной семантики конструкции: он вводит Я-позицию субъекта речи (Г)

«Я допускаю/признаю...». Объект, на который направлено интенциональное действие Г – ситуация О, характеризующаяся признаком негативности, нежелательности, отрицательности с точки зрения нормы.

Модальная рамка, вводимая *пусть/пускай*, входит в тесное взаимодействие с уступительным смыслом «вопреки ожиданиям» и обогащается дополнительными коннотациями:

«мне все равно», «не важно», неэффективно.

Сквозная проблема главы – установление морфологического статуса слов *пусть, пускай* в уступительной конструкции. Лингвистическая традиция определяет его как союз (Н.Греч, Ф.Буслаев, В.А.Богородицкий), союз-частица (В.В.Виноградов, В.А.Белошапкина, Е.Т.Черкасова), союзная частица (М.В.Черемисина, Т.А.Колосова, А.Ю.Чернышева). Наши наблюдения над соотношением союзной и партикулярной функции данного средства связи проводились при рассмотрении трех релевантных контекстов придаточной части. Проведенное исследование позволяет говорить о синкретичной природе связующего компонента уступительной конструкции.

Синкретизм союза-частицы *пусть/пускай* обусловлен его этимологией, прозрачностью внутренней формы, семантическими и формальными связями с частицей *пусть* и мотивирующим глаголом. В лексическое значение союза *пусть/пускай* наряду с категориальным союзным значением уступительного средства связи, входит модальный компонент допущения/признания, ориентированный на субъекта данного интенционального действия и направляемый на объект допущения – пропозицию придаточной части. Проведенное нами исследование модальной базы сложного предложения с союзом-частицей *пусть/пускай* показало, что *пусть-пускай* "созидает" мир возможной, вероятной, ментальной действительности, либо признает реально существующий.

Через "я-позицию" субъекта допущения/признания формант *пусть/пускай* оказывается подключенным к сложной системе проявления субъективности в языке, к комплексному выражению модусно-оценочных, прагматических, эмотивных смыслов (не важно, безразлично, напрасно; утешения, убеждения, аргументации; согласия/несогласия и др.).

Синкретизм форманта *пусть/пускай* особенно ярко проявляется при его функционировании в ряде полипредикативных конструкций поэтического текста, где очевидно сосуществование двух противоречивых тенденций:

1. стремление к десемантизации форманта, к чистоте релятивной союзной функции;

2. стремление к модусной насыщенности пусть-части за счет актуализации субъективных смысловых оттенков, восстановления прозрачности внутренней формы, усиления партикулярных качеств.

Первая тенденция реализует себя в придаточном, однозначно ориентированном в план прошедшего времени (эловые формы глагольной части предиката): при этом наблюдается дезактуализация сем гипотетичности, желательности; союз *пусть* эквивалентен союзу *хотя* (при замене исчезают лишь эмоционально-экспрессивные коннотации). Пусть укрыла от дальнего горя Утонувшая в розах стена, - Заглушить рокотание моря Соловьиная песнь не вольна (А.Блок). Пусть рана зажила, все помня о былом Он со скалы своей взлетать не смеет в доли (В.Брюсов).

Вторая тенденция в поэтическом тексте проявляет себя как ведущая, поддерживаемая такими текстовыми факторами, как 1) автономия поэтической строки, 2) стремление поэтического текста к аффективности за счет экспрессивации языковых моделей (парцелляция, риторический вопрос, императив).

Основная поддержка партикулярной функции осуществляется лексико-грамматическими факторами в типизированных контекстах форманта *пусть/пускай*: А. Контекст будущего, Б. Контекст настоящего а) квалификативный и б) псевдопобудительный, В. Контекст прошедшего времени. Функция частицы ярка в контекстах А, Бб; бледно проявляет себя в контекстах Ба и В.

Ориентация на III типизированных контекста дала возможность представить лексическое значение союза-частицы *пусть/пускай* как набор следующих обязательных сем:

- волюнтаристичность (волеизъявление) допущение/признание;
- гипотетичность;
- согласие/несогласие;
- безразличие/неэффективность/не актуальность;
- вопреки ожиданиям (уступительное категориальное значение). Контексты дезактуализируют/актуализируют одни, либо другие семы.

Были выделены следующие модификации значений союза-частицы *пусть-пускай*:

а) допущение-прогноз, допущение-самопрогноз. Семантика допущения-прогноза, формируемая формантом *пусть/пускай* в контекстах будущего, связана с достаточно большой степенью уверенности говорящего в реализации Q-ситуации. Q-ситуация нежелательна, независима от Г, но в высшей степени вероятна, предсказуема из опыта Г или опыта социума. Пусть о мечте твоей златой Не будут знать в веках, Но ты

любил и пел весной На северных волнах (А. Блок). Прогностические смыслы в поэтическом тексте, как показывает наш материал, ориентированы на самого "Я"-субъекта речи (лирического героя). Они важны в личностном преломлении представлений Г о мире. В предложениях самопрогноза слово пусть вводит следующую модель придаточной части: ситуация Q вероятностная, но предельно нежелательная по нормативной шкале оценки. Нежелательность может проявляться в высшей степени: апелляция к смерти, гибели. Г согласен с наступлением ситуации Q. Это согласие вызывающее, согласие-готовность принять вызов смерти, нежелательное по отношению к себе. Такое согласие характеризуется особой непреклонностью, экспрессивностью, близко к клятве. *Пускай погибну, смерть моя Не продолжит их бытия, И дни грядущие мои Им не присвоить и в крови...* (М. Лермонтов). В контекстах будущего времени происходит сближение допустительного пусть/пускай и условного если даже на основе семы гипотетичности в сфере уступительности. Замена пусть/пускай на если даже возможна, и особенно адекватна в случаях мысленного допущения. Но все же хотелось бы отметить смысловые нюансы пусть и если-лексем. Вводимое если выражает меньшую степень уверенности Г в вероятности Q: "Q может быть, но может и не быть". Допущение, вводимое пусть, выражает: "Я уверен в возможности Q и готов согласиться с Q на условиях...";

б) внутреннее согласие-разрешение. В придаточной части, вводимой формантом пусть/пускай актуализированы оттенки желательности, псевдопобудительности при сохранении гипотетичности ситуации Q, неадресованности желания. При поддержке футуральных средств в главной части уступительной конструкции, формант пусть/пускай транспонирует глагольные формы презенса в план потенциального конструируемого воображения. Ситуация Q характеризуется близкой к предельной нежелательностью, она возможна, но в меньшей степени вероятна и не зависима от Г. Г сам выбирает Q, внутренне разрешает Q, соглашается с ней. Это вызывающее согласие, вызов себе, стихии, природе. Мотив разрешения Q - убедить А в силе и правоте Г, в неизменности его установок возможностей и т.п., отраженных в ситуации Р. В данном виде контекстов присутствует компонент желания в парадоксальной разновидности желание нежелательного, субъектом которого выступает Г. Пусть/пускай выражает: "Согласен, чтобы возможное негативное Q было действительным, т.к. не сможет повлиять на осуществление ситуации Р". *Мы выходим за дверь. Пусть крепчает мороз И бушует пурга на дорогах, - Доедем! (В. Федоров), Пусть че-*

ремухи сохнут бельем на ветру, Пусть дожди опадают сирени,- Все равно я отсюда тебя заберу Во дворец, где играют свирели (В. Высоцкий);

в) неполное согласие-подтверждение. В плане модусной семантики выделяются пусть - предложения с так называемой семантикой "чужого мнения", структура которых представляет диалогическое единство тезис (вводимый глаголами речевого действия) - несогласие с ним. Пусть твердят, что и моря мелеют, Я не верю, чтоб любовь прошла... (С. Щипачев), Пускай тебя черня и осуждая, Завистники твердят, что ты подлец, Но и в тебе под маской скупердя скрывается прешедрый молодец (Н.А. Некрасов). Ситуация Q в данном случае ситуация - мнение, существующая в ментальной реальности, стереотипная. Она независима от Г., нормальна с точки зрения социума. Г. признает существование ситуации Q, констатирует Q при полном внутреннем несогласии с ней, выражаемом ситуацией Р. Семантика пусть-предложения обогащается при этом смыслами сознательного игнорирования, внутреннего безразличия уже в пределах придаточной части. Для Г. важна собственная позиция, провозглашаемая в главной части. В фокусе внимания Г. и А. находится ситуация Р, отражающая личную позицию Г. в мире. Контексты "чужого мнения" позволяют соединить /противопоставить в уступительном предложении индивидуальные и стереотипные аксиологические нормы, сферы "своего" и "чужого" сознания, мироощущения. В плане синонимической замены форманта пусть возможны собственно-уступительные союзы хотя и несмотря на то что при этом исчезает модусный смысл "безразлично для Г.";

г) констатация-согласие. Предложения с данной семантикой направлены на дескрипцию объекта одушевленного и неодушевленного, мыслимого и реального и самодескрипцию. Формант - пусть вводит ситуацию Q, она статальна, имеет наличное бытие. Q - оценка объекта, его качеств, свойств. Это своего рода экспозиция пусть-конструкции. Г признает наличие Q: "Да, это так, ... я согласен с тем, что ситуация Q имеет место, но для меня это не-актуально, не важно, т.к. важна ситуация Р". Главная часть - находится в фокусе внимания Г. Она имеет большую степень коммуникативно-информативного развертывания. Пускай я не сон, не отрада, И меньше всего благодать, Но, может быть, чаще, чем надо, Придется тебе вспоминать - И гул затихающих строчек, И глаз, что скрывает на дне... (А. Ахматова), Пусть призрак он, желанный свет вдали! Пускай надежды все напрасны! Но там, - далеко суетной земли, - Его лучи горят прекрасно! (А. Блок).

Глава II. Семантико-структурные разновидности сложных предложений concessивно-модусной семантики с союзом-частицей *пусть/пускай*.

Во второй главе исследованы модификации синтаксической семантики уступительного допущения в опоре на мотивы допущения /признания, идущие от Г. При анализе четырех представленных разновидностей concessивно-модусных предложений с союзом-частицей *пусть/пускай* особое внимание уделялось: установлению устойчивой корреляции *пусть/пускай* с рядом синтаксических средств гибридной природы (*зато, только, лишь бы, ведь*); выявлению типизированной опорной лексики, ключевых сем и лексем, маркирующих данные разновидности, рассмотрению переходных моделей, тяготеющих к выходу из поля уступки в отношения обоснования, цели; роли данных языковых моделей в сфере выражения концептуальных отношений. Нами были выделены четыре структурно-семантических разновидности сложных предложений с союзом-частицей *пусть/пускай*.

I. Сложные предложения с семантикой контрастного допущения представляют собой наиболее крупный массив предложений с формантом *пусть/пускай*. Одна из черт их структурно-семантической устроенности - осложненность противительного компонента (но) интенсификаторами уступительного смысла - частицами *все равно, все же, все-таки*, которые при элиминации союза *но* приобретают черты союзности. *Пусть порой мне шепчет синий ветер, Что была ты песня и мечта, Все ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи - К светлой тайне приложил уста.* (С. Есенин)

Пусть на листьях не будет росы по утру, Пусть луна с небом пасмурным в ссоре, - Все равно я отсюда тебя заберу В светлый терем с балконом на море. (В. Высоцкий)

Наш материал показывает, что поэтический текст проявляет тяготение к импликации противительных средств связи.

Актуализаторами противительности становятся пунктуационные (тире) и лексико-семантические (негация, текстовая антонимия) средства: *"Пусть потонет корабль-вынесут волны тебя"* (А.Блок), *"Пусть я кого-нибудь люблю- Любовь не красит жизнь мою"*. (М.Ю. Лермонтов).

Ориентация тире на эмоционально-экспрессивную выделенность коррелирует и взаимодействует с аффективной окрашенностью форманта *пусть/пускай* и усиливает выразительность всей *пусть*-конструкции, делая ее более динамичной, лаконичной, экспрессивной. *Пускай мгновения стекает муть-Узора милого не зачеркнуть* (О.Мандельштам).

Негация обладает сильным потенциалом "поддержки" концессивного смысла (вопреки ожиданиям); допущение ситуации Q предполагает наличие ряда возможных следствий, негация способствует экспликации из данного ряда единственно актуального, реставрируя нарушенную причинно-следственную связь по принципу "от обратного".

Пускай прилив его ласкает, — Не слышит ласки инвалид... (М.Лермонтов). Внутри данной разновидности выделяются конструкции собственно-уступительной семантики и семантики уступительного несоответствия. Семантическая организация собственно-уступительных предложений основана на взаимодействии причинно-следственных связей, одна из которых является превосходящей. Семная структура предложений содержит анти-семы сопротивления, преодоления, игнорирования, безразличия. Пусть темнота кругом ее объемлет, — Прорвет Аргуна землю где-нибудь И снова полетит в далекий путь! (М.Лермонтов) Предложения уступительного несоответствия представлены моделями пусть уже... , но еще, пусть еще..., но уже..., которые отражают совмещение, "новых" и "старых" отношений реального / ментального мира. Ситуация Q оценивается субъектом как нежелательная, но характеризуется признаком дальнейшего развития, прогресса. Ситуация Р — положительно оцениваемое старое, которое субъект противопоставляет новому и абсолютизирует его остаточные явления с коннотациями утешения, непреклонности, верности прежнему. Пусть жертвенник разбит — огонь еще пылает, Пусть роза сорвана — она еще цветет, Пусть арфа сломана — аккорд еще рыдает! (С.Надсон) В модели пусть уже..., но еще... представлена смена аксиологических оценок «старого» и «нового». «Новое» — прогрессирующее и предпочтительное. Пускай мороз еще ночами хваток И ветры переменчивы порой, Но у нее настойчивости хватит. Она стучит, стучит в сердца: «Открой!» (В.Яковенко). Мотив, по которому Г допускает ситуацию Q — показать неэффективность, неактуальность, тщетность допускаемой ситуации Р.

Предложения данной разновидности стремятся зафиксировать оптимистический взгляд субъекта на мир.

II. В сложном предложении с семантикой возмездительного допущения функционирует двухместный связующий комплекс *пусть-но зато*. Местоименная частица *зато* в отсутствии противительных союзов *но, да, однако* приобретает черты союжности.

Семантический профиль *зато* характеризуется видовой семантикой противопоставления и индивидуальной семантикой

возмещения. Зато специализируется на актуализации противопоставлений аксиолого-оценочных аспектов в плане "плохо" - "хорошо" и наоборот. Зато требует антецедента - предварительной ситуации с негативной семантикой. Часть, вводимая союзом пусть, представляя допущение (констатацию) "плохого", создает "горизонт ожидания", условия для появления зато - ситуации как одной из вероятных ситуаций "обратного" следствия. *Я помню осенние ночи, Березовый шорох теней, Пусть дни тогда были короче, Луна нам светила длинней. (С. Есенин.). Пусть душа твоя мгновенна, Над тобою неизменна, Гордость юная твоя, Верность женская моя. (А. Блок).*

Уступительный парадокс в ситуации допустительно-возместительной складывается на основе совмещения в процессе мыслительного акта двух явлений, имеющих противоположные характеристики в смежных областях-аспектах.

Мотивы совмещения состоят в желании говорящего отразить объективную реальность более разнообразно, полно и расставить при этом аксиологические акценты, обнажая таким образом собственную позицию. Последний мотив, видимо, следует признать ведущим: в пусть-зато-конструкциях речь идет не столько о свойствах объекта, сколько о ценностной иерархии я-субъекта. Конструкции допустительно-возместительной семантики "обнажают" концептуальную позицию автора - указывают приоритет внутреннего, духовного начала (души, сердца).

Семная организация допустительно-возместительных предложений характеризуется: 1) отсутствием анти-сем: "противодействие", "столкновение", "преодоление"; 2) доминацией сем "совмещение", "отличие от обычного", "компенсация", "предпочтение". Семы контраста спроецированы противоположными полюсами характеристики явлений, что заложено в семантической природе зато. Компенсаторные отношения устойчиво осложняют пусть-предложения с семантикой противопоставления внешнего и внутреннего, видимого и невидимого, кажущегося и сущностного (вопреки устойчивому мнению о соответствии (диалектической взаимосвязи) формы и содержания): *И пусть черты ее нехороши, И нечем ей прельстить воображение - Младенческая грация души Уже сквозит в любом ее движении. (Н. Заболоцкий.). Пусть она и не выглядит кроткой, И, пожалуй, на вид холодна, Но она величавой походкой Всколыхнула мне душу до дна. (С. Есенин).*

Компенсация может быть связана не только с предпочтением, но и с оправданием негативного, допускаемого в пусть - части в интересах говорящего. 2 часть служит ве-

сомым аргументом "не-важности" 1 части. Особенно велика коннотация "оправдания" в конструкциях, где проявление субъективного начала эксплицировано личными местоимениями, финитными формами глаголов. Такие предложения присущи контекстам итоговым, соотносящим (+) и (-): *Пускай меня сегодня не поют - Я пел тогда, когда был край мой болен.* (С. Есенин). *Пусть я прожил нескладно-Для России я жил.* (Е. Евтушенко). Сема "оппозиционного предпочтения" является ведущей в ситуации уступительного выбора. При этом она может осложнять аксиологический (-): *Пускай зовут: Забудь поэт! Вернись в красивые уюты! Нет! Лучше сгинуть в стуже лютый! Уюта - нет! Покоя - нет!* (А. Блок); аксиологический (+): *Пускай роз вечера живые горячий - Ему милей прият дубравы сокровенной, Где спутница печальная ночей Подолгу сторожит природы сон священный* (И. Анненский).

Представленные предложения с включением лексическо-грамматических показателей предпочтения (наречий в сравнительной степени) во 2 части пусть-конструкции презентируют ситуацию выбора двух моделей поведения: "обычной", одобряемой социумом, и "отличной от обычной" личностной модели поведения автора высказывания. Семантика предпочтения "моего" осложняет отношения противопоставления/сопоставления, акцентируя большую значимость индивидуальных ценностей. Противопоставление светского бытия и "тихих радостей семейной жизни" - одна из тем анакреотической лирики - нашло свое выражение в соответствующих циклах Г.Р. Державина, А.Н. Майкова и других, в которых употребление пусть-предложений достаточно распространено.

III. Сложные предложения с семантикой ограничительного допущения.

Предложения данной разновидности ориентированы на двухместный комплекс пусть-но только, лишь. Лексемы только, лишь участвуют в оформлении исследуемых конструкций с различными семантико-синтаксическими функциями. 1. Формант только является специальным показателем обесценивающей функции ограничительно-противительной связи, он соотносится со всем содержанием но-ситуации. Утрачивая значение единственности и исключительности, частица только развивает союзную функцию, проявляет способность замещать собою весь комплекс но только, т.е. переходит на маргинальное положение между классами союзов и частиц: *Пусть на тебя с высоты недоступной Звезды приветно глядят Только и видят они твой преступный, Твой закоснелый*

разврат (А.Н. Апухтин). 2. Позиция только при союзе *но*, отнесенность частицы к какой-либо отдельной части предложения способствует преобладанию дейктической семантики; союзная функция не развивается. Только функционирует как выделительная частица: *Пусть боги смотрят безучастно На скорбь земли: их вечен век Но только страстное прекрасно В тебе, мгновенный человек* (М. Волошин).

В конструкциях с формантом *пусть-(но)* только формируется особый оттенок отношений. Для субъекта предложения-высказывания *пусть-ситуация* нежелательна, но допустима при условии реализации только-ситуации. Мотив ввода ситуации ограничительного условия состоит в стремлении субъекта ослабить нежелательность допускаемой ситуации, выделив из нее наиболее неприемлемое и наложить на это неприемлемое запрет, ограничив тем самым круг допускаемого. Допущение при условии демонстрирует постоянное балансирование ситуации *Q* на грани приемлемости-неприемлемости.

Ситуация-условие может носить характер просьбы, пожелания, требования в зависимости от функциональной окраски побуждения: *Пусть голос твой Звучит мне песней похо-ронной, Но только, старая, в глаза мне не смотри, И не рассказывай о даме о червонной* (А.Н. Апухтин), *Пусть случится все как снилось, Только в жизни обещай - Выходя, мне, сделай милость, Милостыни не давай* (К.Симонов). Если двойное средство связи *пусть-но* зато маркирует как актуальное наиболее предпочтительное, то *пусть-но* только маркирует как наиболее актуальное не-реализацию наименее предпочтительного, наиболее нежелательного: *Пусть я умру, но не позже любимой: Этой карой меня не карай* (Е. Евтушенко).

3. В функции ситуации ограничительного условия может выступать ситуация, характеризующаяся признаком оптативности, желательности. Ее вводят союзные частицы только, лишь в сочетании с частицей *бы*: *Пусть гибнут троны, только б дух народа, Как феникс, ожил на костре столетий* (В. Брюсов). *Пусть она будет, как прежде, темна и душна, Лишь бы вдали не угаснул маяк идеала* (С.Я.Надсон). Так как значение желания, как и значение допущения, исходит от говорящего, лексемы только *бы*, лишь *бы* вписываются в рамку субъективности, созданную союзом-частицей *пусть-пускай*, акцентируя субъективную прикрепленность *пусть-конструкции*. *Лишь бы*, *только бы* являются модификаторами оптативного значения в том смысле, что выдвигают желаемый факт на первое место, представляя остальное несущественным или по крайней мере в данной ситуации второстепен-

ным, актуализируя тем самым вторую часть, в то время пусть дезактуализирует первую. Мотивом допущения нежелательного выступает возможность осуществления желательного и более значимого. Семантика оптативности создает благоприятный фон для актуализации потенциальных смыслов *пусть-части* (волеизъявления, гипотетичности), вплоть до неразличения характеристики *пусть-ситуации* со стороны модуса бытийности (реальность-ирреальность): *Пусть бы снег в ветровое стекло, Пусть метелица - было б светло* (С. Щипачев), *Пусть бы съели меня, пусть бы выпили - лишь бы польза была в моей гибели* (Е. Евтушенко). Ограничительно-желательное допущение может быть вербализовано сочетанием союзной частицы только с оптативным партикулярным *пусть*. Дублирование *пусть* используется как прием экспрессивации в поэтическом тексте: *Пусть она позабудет про меня без труда, только пусть она будет навсегда, навсегда* (Е. Евтушенко). Квалификация предложений данного вида представляется проблематичной. Конструкции со значением ограничительного допущения не утратили связь с уступительной семантикой, их можно рассматривать как периферийные структуры уступки, конструкции ограничительно-оптативные тяготеют к выходу из сферы уступительной семантики в сферу целевых отношений. Этому препятствует: а) отсутствие логико-смысловых отношений целевой обусловленности между ситуациями первой и второй части; б) смысловые отношения ситуаций близки отношениям желательной, потенциальной компенсации; в) антонимическая противопоставленность частей по шкале нежелательность-желательность, плохо/хорошо; г) при выражении ограничительно-желательных отношений доминирует ограничительный элемент значения; ситуация, вводимая только бы потенциально ограничивает негативные последствия ситуации *придаточной* части, выводит отрицательный признак из игры. Уступительность скрыта в глубинной семантической структуре предложений: двухместный формант *пусть-лишь бы*, только бы позволяет за счет выражаемых им субъективных смыслов имплицировать модусный компонент "не важно", "безразлично", выступающий в качестве "обратного следствия" ситуации *пусть-части*: *Пусть грущу, что мне солнце светит уж не так как в былые года (* не важно), только б тихие окна эти в шумном мире светились всегда* (С. Щипачев).

IV. Сложное предложение с семантикой аргументативного допущения включает дистантное сочетание лексики *пусть* с противительным компонентом *но* *ведь*. В составе противительного компонента уступительной конструкции *ведь* функционирует как частица, придает противопоставлению отчет-

ливо усилительный оттенок и вводит в смысловой фон главной части значение очевидности. Частица ведь поддерживает модусную линию повествования, вводимую пусть/пускай, акцентирует субъективное начало предложения и участвует в формировании пусть-высказывания, максимально приближенного к диалогу. Внутренняя оппозиционность ситуаций первой и второй части ослаблена, семы "сопротивления", "противодействия" отсутствуют в семантической структуре предложения, актуализированы семы "согласие" в пусть-части, "возражение" в но-части. Противительность конструкции создается оппозицией спора, аргументов, и очевидность аргумента усиливает его весомость. Формант пусть - но ведь ответственен за модус возражения, противоречащей аргументации по принципу парентической позиции: "я согласен, что в этом вы правы, но мне и вам очевидно, что...": Пусть другой гениально играет на флейте, Но ведь песни берет он из вашей души (А.Дементьев).

Конструкция данного типа значима в коммуникативном плане, она направлена на адресата с целью убедить и тесно связана с контекстом, конституацией в целом, ориентирована на предшествующий текстовой фрагмент и представляет собой реплику аргументированного возражения на поступок, мнение, суждение, совершенное/высказанное ранее.

При отсутствии противительных отношений слова пусть и ведь маркируют принципиально иной вид синтаксической связи, где ведущими становятся отношения обоснования. Лексема ведь приобретает черты союзности и функционирует как причинный конъюнкт, сближенный с союзом ибо. В этих случаях пусть/пускай выступает как частица со слабой связующей функцией, обусловленной фиксированной препозицией лексем в предложении. Отношения обоснования, пояснения особенно ярки в конструкциях, включающих пусть-часть с семантикой побуждения, согласия, разрешения, пожелания. В ведь-компоненте заключена внутренняя мотивировка, аргумент для содержащегося в пусть-части побуждения, разрешения, пожелания: Пусть он живет за годом год, Как указуют грудь и разум, Как может жить и хочет он: Ведь чувство - лучший камертон, Поверим же глазам и фразам, И настроен - нью и всему, Что жизнь его дает ему (И. Северянин), Пускай критический каноник Меня не тянет в свой закон, - Ведь я лирический ироник: Ирония - вот мой канон! (И. Северянин).

Однако имеются случаи, когда частица пусть употребляется в непобудительных контекстах примирения, принятия; при этом могут сохраняться оттенки противительной семантики в логико-смысловых отношениях частей. Эти конструк-

ции приближены к сфере уступительности и находятся на периферии причинности: *Подруга охладевших лет, Не называя игру любовью, Пусть лучше этот лунный свет Ко мне струится к изголовью. Пусть искаженные черты Он обрисовывает смело, - Ведь разлюбить не сможешь ты, Как полюбить ты не сумела* (С. Есенин). *Пусть твои полужакрыты очи И ты думаешь о ком-нибудь другом, Я ведь сам люблю тебя не очень, Утопая в дальнем дорогом* (С. Есенин).

К конструкциям аргументативного допущения нам представляется возможным отнести *пусть-предложения* противоречащей внутренней мотивации типа: *Пусть страшен путь мой, пусть опасен, Еще страшнее путь тоски...!* (А. Ахматова). *Пусть говорят: любовь крылата - Смерть окрыленное сто крат* (О. Мандельштам). Имплиcitный способ противопоставления, репрезентируемый в представленных примерах, опирается на лексический повтор (страшен, страшнее), текстуальную антонимию (любовь-смерть). Если формант *но-ведь* вводит ситуацию очевидного аргумента, указывающего на внешние обстоятельства, то здесь мотивация допущения каузирована внутренними аксиологическими, этическими нормами, психологическим состоянием субъекта допущения. Мотивация допущения, заключенная во второй части - это мотивация "от противного", наличествует ситуация выбора вынужденного, выбора из двух отрицательных альтернатив наименее "негативной" с точки зрения говорящего. В аксиологическом отношении данные конструкции отражают актуальность отрицательно-нежелательного, неприемлемого; в противовес отрицательно-приемлемому, либо нейтрально-допускаемому. Подобные *пусть-предложения* функционируют в текстах, ориентированных на отрицательную оценочность, отражающих пессимистический взгляд на реальность.

Глава III. Сложные предложения с союзом-частицей пусть/пускай в поэтическом тексте

Функционально-коммуникативный аспект исследования сложных предложений с семантикой уступительного допущения позволяет выявить некоторые закономерности поведения конструкций с союзом-частицей *пусть, пускай* в поэтическом тексте.

Основные виды текстовых реализаций и текстообразующих функций *пусть-конструкций* исследованы в ориентации на две ведущих текстовых категории: композицию текста и модальность текста.

Рассмотрены основные виды композиционной нагрузки данных синтаксических единиц в зависимости от позиции предложения в тексте (инициальная, финальная, медиальная), обуславливающей определенную степень автосемантии, синсемантии.

Текстообразующую роль *пусть*-конструкции можно определить как автостимулирующую (С.Г Ильенко): реализую грамматическое значение уступительного контраста, которое требует разъяснительного авторского комментария, *пусть*-конструкция экспозитирует "завязку" текста/микротекста, давая тем самым толчок развертыванию текстовой цепи.

Сложные предложения с семантикой уступительного допущения также значимы для организации модального плана текста.

Рассматриваемая нами синтаксическая единица, сочетая в себе значение каузальности, модальности с оценочно-прагматическими смыслами, оказывается приспособленной для функционирования в поэтическом тексте, который ориентируется, как правило, на воссоздание внутреннего мира субъекта. Потенциальность, заложенная в данной структуре в ее различных оттенках и нюансах, также свойственна поэтической речи, отражая поиск определенных нравственных категорий. Достаточно широкая частотность *пусть*-предложений в поэтическом языке, очевидно, связана с тем, что данные предложения отличаются отчетливой двучленностью, занимают 2 строки. При усложнении первого компонента и при наличии ряда *пусть*-предложений (ПЕРИОД) двучленность сохраняется, конструкции занимают отдельные строфы или ряд строф, то есть данные предложения гармонично укладываются в ритмическую организацию поэтической речи и так или иначе отражают ее симметрическое строение.

В нашей работе предпринята попытка анализа исследуемых конструкций с ориентацией на языковую личность на материале поэзии Е.А.Боратынского.

Мы пришли к выводам, что для поэта-философа Е.Боратынского *пусть*-модель - это не столько средство поэтического синтаксиса, сколько концепт-модель, устанавливающая принципы и мотивы его личностного мировидения. Данная модель акцентирует основное трагическое противоречие поэзии Е.Боратынского - стремление быть сомкнутой в собственном бытии (Жиреевский) и желание/невозможность найти при этом отклик в безотзывном мире.

В заключении обобщаются выводы, полученные в ходе исследования, основными из которых являются следующие:

1. Установлено, что concessивно-модусные предложения с союзом-частицей *пусть*, *пускай* занимают не ядерное, а периферийное положение в системе уступительности; их место – в зоне соприкосновения условия и уступки (частично цели, маркируемой формантом *пусть...лишь бы*), некоторые конструкции проявляют себя как переходные между сферой паратаксиса/гипотаксиса; бессоюзной/союзной связи.

2. Установлено, что статус связующего компонента concessивно-модусной конструкции в поэтической речи может быть определен как союз-частица.

3. Установлены основные модусные смыслы, сопровождающие семантику уступительного допущения.

4. Выделены и исследованы следующие семантико-структурные разновидности *пусть-конструкций*: сложное предложение с семантикой контрастного допущения; возмездительного допущения; ограничительного допущения и аргументативного допущения.

5. Определены основные текстовые функции *пусть-конструкций*: структурно-композиционная, содержательно-модусная, функция выражения авторского мировидения.

По теме диссертации опубликованы работы:

1. Сложные предложения с формантом *пусть/пускай* в поэзии Г.Р. Державина // Г.Р. Державин: личность, творчество, современное восприятие: Тезисы Международной научной конференции / Казанский ун-т. – Казань, 1993. – С. 76-77.
2. Явление переходности в сложных предложениях с семантикой допущения // Бодуэн де Куртенэ: теоретическое наследие и современность. Казань, КГУ, 1995, С. 92-94.
3. Concessивно-модусные предложения в поэзии Е.А. Боратынского // Слово и мысль Е.А. Боратынского: Тезисы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Е.А. Боратынского. – Казань, 2000. С. 121-122.

2-00

Отпечатано фирмой «ТАЙП»
ул. Бутлерова, д. 30а
Тираж 80. Бумага офсетная.